

УДК 130,2; 930.2

**ФОТОГРАФИИ АБУ-ГРЕЙБ:
ПОЛИТИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И БИОПОЛИТИКА ОБРАЗА**

© 2013 г.

*И.И. Кобылин¹, Ф.В. Николаи²*¹Нижегородская государственная медицинская академия²Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Igor_Kobylin@mail.ru; fvnik@list.ru

Поступила в редакцию 15.12.2013

Рассматриваются общественный скандал, связанный с публикацией фотографий из тюрьмы Абу-Грейб, и многочисленные попытки его теоретического осмысления. Особое внимание уделено дискурсу *cultural studies*, стремящихся артикулировать механизмы «аффективных» манипуляций, осуществляемых современной властью.

Ключевые слова: биополитика, медиа, *cultural studies*, память, травма, аффект, границы репрезентации.

Американской «войне с террором» в Афганистане и Ираке в 2000-е гг. посвящено огромное количество литературы. Однако внимание исследователей распределяется далеко не равномерно: некоторые события остаются почти незамеченными (массовое убийство в Хадите, пытки в Баграме и т.д. [1, р. 315]), другие же вызывают гигантскую волну откликов. Почему именно скандал вокруг Абу-Грейб оказался в фокусе всеобщего внимания? И, с другой стороны, почему всего через год после него 61% респондентов опроса Гэллага считали возможным использование пыток? [2, р. 8]

Как известно, расположенная к западу от Багдада тюрьма Абу-Грейб еще при Саддаме Хусейне использовалась для политических репрессий. После падения режима тюрьма была разрушена, но вскоре восстановлена американцами для содержания «лиц, подозреваемых в связях с терроризмом». В январе 2004 г. демобилизовавшийся сержант Джозеф Дарби передал в военную прокуратуру два диска с фотографиями пыток в Абу-Грейб (рис. 1). Командованием было начато закрытое расследование (причем само существование фотографий поначалу держалось в секрете). 28 апреля 2004 г. канал CBS все-таки показал несколько снимков, что вызвало огромный международный скандал. Теперь Пентагон и президентская администрация вынуждены были опубликовать материалы уже проведенных расследований, активно участвовать в слушаниях в Конгрессе и, наконец, отстранить от службы семерых охранников, фигурировавших на снимках. Впрочем, большая часть из 1800 фотографий и 93 видео-



Рис. 1. Одна из наиболее известных фотографий Абу-Грейб

файлов Абу-Грейб так и не были продемонстрированы широкой аудитории. Известный визуальный антрополог Н. Мирзоев замечает, что «Абу-Грейб остается невидимым. Хотя даже показанные общественности фотографии были весьма шокирующими, известно, что существуют другие кадры и видео, включая изнасилования и даже убийства, которые были показаны лишь членам конгресса» [3, р. 23].

Значительная часть общества оказалась абсолютно не удовлетворена этой ситуацией. Всеобщее недовольство вызывала мягкость оценок произошедшего со стороны представителей администрации (в частности, министр обороны Дональд Рамсфельд просто не увидел пыток на фотографиях Абу-Грейб, признав их лишь свидетельствами «злоупотреблений»). Кроме того, неприемлемым казалось стремление сделать «козлами отпущения» нескольких рядовых охранников тюрьмы, отказ от признания связи этого инцидента с какими-либо общими тенденциями американской военной политики и систематическим использованием пыток в Корее, Вьетнаме и странах Латинской Америки.

Естественно, эта критика не была однородной. Ее более традиционное крыло делало акцент на проблему юридической и социально-политической ответственности. Опираясь преимущественно на официальные документы, оно, по сути, следовало логике «банальности зла» Х. Арндт. С этой точки зрения, пытки в Абу-Грейб или Гуантанамо совершают не маньяки или «психопаты», а обычные солдаты и гражданские специалисты, тщательно выполняющие даже устные распоряжения начальства и оказывающиеся лишь конечным звеном сложной военно-бюрократической машины. Целью военных является получение информации, для чего, начиная с войны в Корее, используется систематическое подавление личности пленных путем лишения сна, постоянных избиений, пыток шумом и т.д. Апеллируя и к Стэндфордскому тюремному эксперименту Ф. Зимбардо 1971 г., сторонники «банальности зла» готовы рассматривать пытки как неизбежную форму поддержания группового конформизма.

По признанию американского командования, 27 заключенных в Абу-Грейб совершили суицид, что вместе с публикацией фотографий вызвало серию судебных процессов, в ходе которых, естественно, именно юридическая сторона дела вышла на первое место. На суде многие обвиняемые говорили о том, что лишь выполняли устные распоряжения офицеров разведки (может быть, несколько «творчески»). Получается, что «банальность зла» как аналитическая стратегия странным образом повторяет позицию палачей и отчасти оправдывает их, утверждая, что «пытки не могут быть поняты отдельно, но лишь как один из компонентов широкой и сложной системы репрессий» [4, р. 6].

По мнению сторонников cultural studies, эта «юридическая» стратегия критики должна быть дополнена в социально-психологическом отношении. С этой точки зрения, «юридизм» и

нейтральный язык описания слишком сближаются с прореспубликанским дискурсом национальной идентичности, работающим в рамках бинарных оппозиций «мы/они». Действия охранников Абу-Грейб «должны рассматриваться как прямой результат трех ключевых и взаимосвязанных факторов: целенаправленной административной политики допросов; исторического и институционального продолжения доктрины подавления восстаний и управления тюрьмами; а также *общественного дискурса периода правления Буша – дискурса дегуманизации и демонизации террористического врага как ‘другого’* [курсив наш – И.К., Ф.Н.]» [5]. Нейтральности юридического языка республиканцев и логике «банальности зла» представители cultural studies противопоставляют образный и этически вовлеченный дискурс, получивший в США широкое распространение после событий 9/11: «Банальность подчинения не объясняет избыток садистской жестокости, возбуждения от убийства и геноцида... Необходимо рассматривать идеологию как групповую мечту, переплетение индивидуального страдания с фантазматическим разрешением внутреннего кризиса и коллективными травмами... Жизнь в тихом отчаянии во время социальных сдвигов и катастроф легко превращается в идеологию садизма или психотическую фантазию. Поэтому такие события, как 9/11, могут трансформировать скрытое насилие в ксенофобию и агрессию, требование полного уничтожения врага» [6, р. 14]. Данная стратегия интерпретации полагает, что ответом на Абу-Грейб должно быть не просто наказание нескольких виновных, но радикальный пересмотр прежнего дискурса легитимации насилия, колониального режима зрения и, в конечном счете, изменение социально-политического уровня.

Конечно же, внутри этой относительно общей позиции сторонников cultural studies существуют разные трактовки снимков Абу-Грейб (и соответственно понимания – что же именно нужно менять в современном обществе прежде всего). Ряд исследователей во главе со Сьюзан Сонтаг склонны рассматривать эти кадры в рамках трансформации «режима зрения» и, в частности, жанра документальной фотографии. С 1930-х гг. отличительной чертой последней стал этический пафос, который артикулирован Сонтаг в названии ее знаменитой работы «Regarding the pain of others». Обычно ее переводят как «Глядя на чужую боль» [7, с.71], однако второй (и не менее важный) его смысл – «движение в сторону боли другого», забота о другом. В статье «Regarding the torture of others»

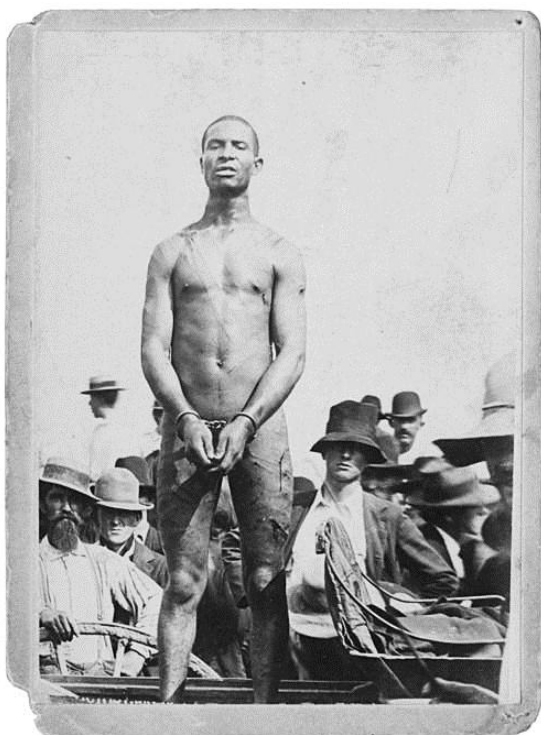


Рис. 2. Линчевание Фрэнка Имбри 22 июля 1899 г.

Сонтаг во многом продолжает эту линию: «Долгое время – как минимум лет шестьдесят – фотография придавала форму нашим суждениям и памяти о важных [исторических] конфликтах. Сегодня музей памяти стал по преимуществу визуальным» [8]. По мнению исследовательницы, цифровая фотография не очень отличается от классической – она так же «преследует нас» и так же является непосредственным свидетельством прошлого. «Ужас того, что показывают фотографии [Абу-Грейб], не может быть отделен от ужаса [той реальной ситуации], где эти фотографии были сделаны – от злорадного позирования палачей над телами своих беспомощных жертв» [8]. Ближе всего к снимкам Абу-Грейб, по мнению Сонтаг, стоят фотографии линчевания в США 1890–1930-х гг. (рис. 2).

Это сравнение представляется продуктивным многим исследователям [9], однако не стоит нивелировать и существенного отличия «цифровых» фотографий Абу-Грейб от документалистской традиции. Как отмечает известный британский американист Л. Кеннеди, уже начиная с первой войны в Ираке, американская фотожурналистика радикально изменилась. Это связано не столько с техническими возможностями цифровых камер, сколько с изменением позиции самих фотографов. Под предлогом безопасности их «прикомандировали» к воен-

ным подразделениям, где они могли показывать лишь то, что им разрешали снимать. Например, из 20 тысяч воздушных налетов на Ирак журналисты осветили последствия не более чем ста бомбардировок. А главное, постоянно общаясь с солдатами, одеваясь в ту же форму и «питаясь с ними из одного котелка», фотографы неизбежно воспринимали себя частью взвода и глядели на окружающее глазами военных. «Это не значит, что прикомандированные [embedded] репортеры спокойно встроились в систему; скорее система создала рамки, которые стали регулировать их визуальное производство» [10, р. 284]. Более того, правительство США прямо обратилось к СМИ с просьбой не публиковать фотографии убитых американских солдат, радикально ограничив политику репрезентации. Существенную роль в политике репрезентации сыграло и изменение спроса на цифровые снимки: независимые фотодокументалисты с конца 1990-х гг. оказались практически вытеснены новыми крупными фотоагентствами Корбис и Гетти. Как подытоживает Л. Кеннеди, «на протяжении всего XX в. фотожурналистика была преобладающим медиумом в формировании американской картины мира. Теперь она утратила эту роль – отчасти из-за появления новых коммуникационных технологий, а отчасти потому, что ее ключевые принципы уже не соответствовали изменившимся геополитическим интересам военной машины и руководства США» [11, р. 289–290].

Сделанные не журналистами, но охранниками, снимки Абу-Грейб функционируют совершенно иначе, чем документальная фотография или колониальные «открытки на память» (рис. 3). По мнению Кеннеди, это новый специфический материал (который надо рассматривать именно в совокупности) – солдатские блоги, снимки, видео и комментарии в прямом времени, выкладываемые в сеть и пересылаемые друзьям даже несмотря на запрет командования.

С другой стороны, ряд авторов пытаются скорректировать и расширить понимание современного «режима зрения» за счет включения снимков Абу-Грейб в более широкий контекст истории искусства (рис. 4). В частности, согласно С. Эйзенману (отталкиваемому от знаменитой «формулы пафоса» А. Варбурга), «пыточная» образность присуща не только фотографии, но и всему европейскому искусству, начиная с эллинистических барельефов и мастеров Возрождения и заканчивая авангардом, полотнами Л. Голуба и Б. Шана. «Образы пыток и власти переходят по наследству от одного

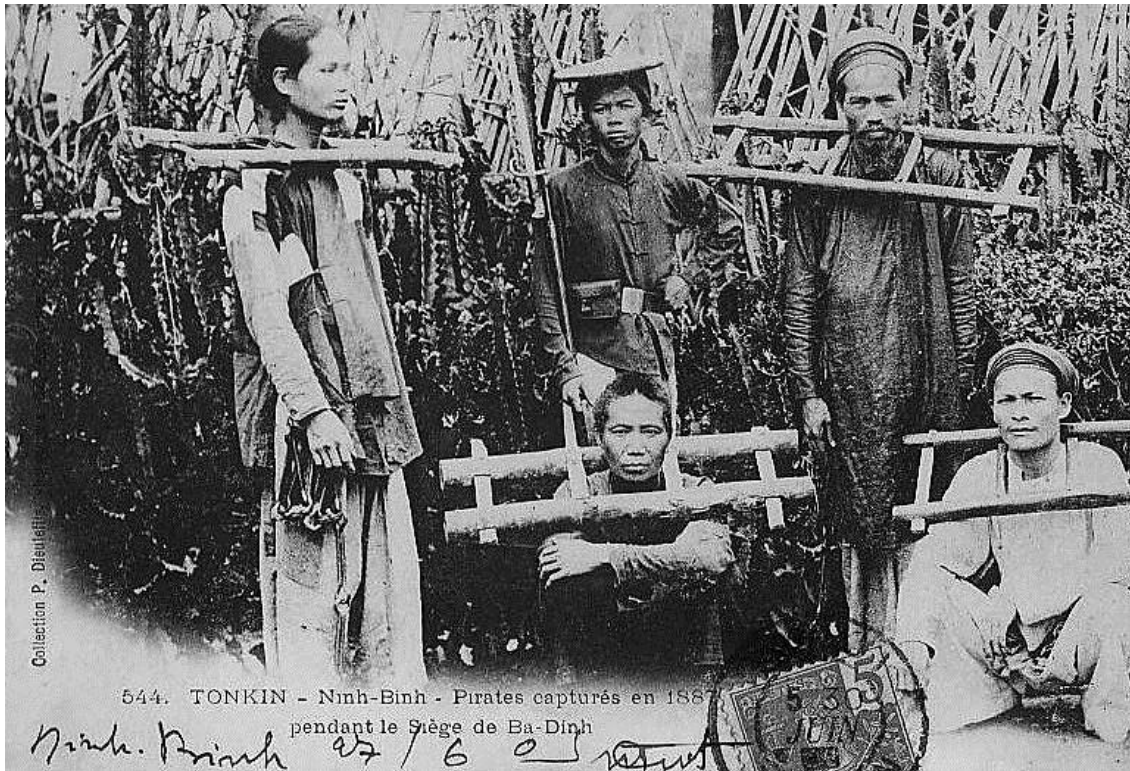


Рис. 3. Французская колониальная открытка из Индокитая 1887 г.

поколения к другому; при этом они оказываются инкорпорированы как в визуальную память, так и в физические тела... Фотографии Абу-Грейб – одновременно легко узнаваемые и вызывающие беспокойство – по своей форме и содержанию вызывают к интерпретации, но и отвергают ее – отсылают к той воображаемой, но при этом вполне осязаемой реальности, которую Фрейд называл *жутким* [unheimlich или uncanny]» [2, p. 15]. Причем, по мнению Эйзенмана, неосознанное аффективное воспроизведение «жуткого» – не просто культурный продукт европейской иммажинерии. Используя слова известного историка искусства О.К. Веркмейстера, этот дискурс можно назвать «инкорпорированием идеологии в ощущения» [the introversion of ideology into feeling]. «Именно долгая европейская история репрезентации пыток помогает вписывать идеологию угнетения (раба и господина) в наши головы и тела, вызывает (особенно во времена господства страха) забвение и паралич морали – ‘Абу-Грейб эффект’» [2, p. 99]. Эйзенман особо подчеркивает, что этот аффективный мимесис действует не столько на индивидуальном или жанровом, сколько на коллективном бессознательном уровне, напоминая «оптическое бессознательное» В. Беньямина или «политическое бессознательное» Ф. Джеймисона.

Как уже отмечалось, визуальный (жанровый), расовый и гендерный аспекты проблемы достаточно тесно связаны между собой. Все они, по сути, обращены не столько к внешней критике капиталистической культуриндустрии, сколько к «подводной» бессознательной работе иммажинерии – конструированию «Другого». И в этом смысле политика «*сострадательного консерватизма*» Дж. Буша (как и «война с террором») представляется им не просто рациональной социально-политической программой, но попыткой управления аффектами – неотрефлексированными автоматическими реакциями (в первую очередь, миметическим повторением и отыгрыванием), возникающими до отрефлексированных эмоций и рациональных суждений [12, 13]. Работа с этим «до-рефлексивным» уровнем выводит ряд исследователей на проблематику политики тела и биополитики. Так, уже неоднократно упоминавшийся Л. Кеннеди отмечает, что «фотографии Абу-Грейб изображают войну с террором как спектакль голой жизни, как тела, лишённые прав и свобод, что предполагает взгляд зрителя как орудие нагнетания ужаса (террора). Эти снимки, по сути, становятся внутренним отражением [visceral reflection] биополитической власти, практикуемой в США во имя национальной безопасности» [11, p. 288].

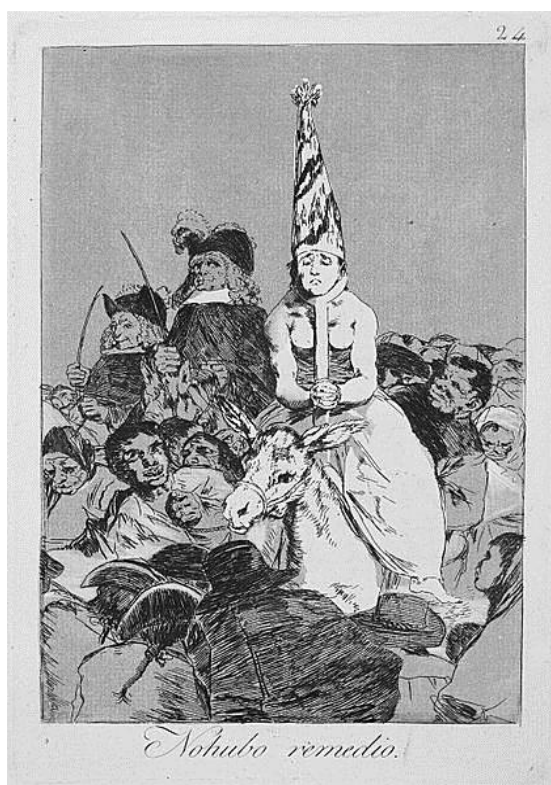


Рис. 4. Офорт Ф. Гойя «No hubo remedio»

Феномен «голой жизни» – легко узнаваемая ныне тема гуманитарных исследований благодаря работам итальянского философа Дж. Агамбена. Как известно, в своем многотомном проекте «Homo Sacer» Агамбен совмещает биополитические штудии Фуко с концепцией суверенитета, разработанной немецким правоведом К. Шмиттом, так что первичным актом суверенной власти и становится производство «биополитического тела», «голой жизни». Исток биополитики отодвигается к моменту рождения политики как таковой: современные государства (как тоталитарные, так и демократические) лишь эксплицировали архаическую связь между суверенным решением о «включенном исключении» и «чистой зое» Homo Sacer'a. Впрочем, речь идет об экспликации, сопровождающейся беспрецедентным расширением. Перманентное «чрезвычайное положение», при котором закон действует только в постоянной приостановке своих норм и правил, само делается нормой и правилом всемирного концентрационного лагеря. «Если когда-то парадокс суверенности выражался формулой «ничто не существует вне закона», то в наши дни, когда исключение стало правилом, формула парадокса принимает симметричную форму – «все существует вне закона» [14, р. 169].

Хотя в многочисленных интервью итальянский теоретик настаивал на принципиальной

сравнимости (в историко-юридическом аспекте) мусульманских узников американских тюрем в Ираке и Гуантанамо с «мусульманами» немецких лагерей уничтожения [15], привилегированным объектом анализа – и своего рода парадигматическим примером – у Агамбена является все же нацистская биополитика. Но, даже если согласиться с положением о ее чудовищной «образцовости», очевидно, что фашистская биовласть обладает целым рядом особенностей, отличающих эту форму «включенного исключения» от актуальных сегодня вариантов «управления жизнью». Речь в данном случае идет не столько о масштабах трагических последствий, сколько о способах функционирования.

В самом начале своей автобиографической книги «Канувшие и спасенные» Примо Леви приводит слова, которыми эсэсовцы любили дразнить заключенных: «Когда закончится эта война, мы пока не знаем, зато знаем, что в войне с вами победу одержали мы, потому что никто из вас не останется в живых, чтобы свидетельствовать, а если какие-нибудь единицы останутся, мир им не поверит» [16, с. 7–8]. Такая откровенность была возможна лишь перед обреченными на смерть: событие геноцида «расово неполноценных» тщательно засекречивалось. Любой причастный к «окончательному решению» именовался Geheimnisträger – «носитель секретной информации». Эффективная машина уничтожения должна была стереть все следы и свидетельства самого уничтожения.

Сегодня мы сталкиваемся с обратной ситуацией: Закон не просто совпадает с собственной противоположностью, но и публично демонстрирует это совпадение в глобальной медиасфере. Все происходит так, как если бы, по остроумному замечанию Бориса Гройса, «нацистская Германия рекламировала себя фотографиями из Аушвица, а Советский Союз – из ГУЛАГа» [17, с. 342]. Зазор между пристойной, но обманчивой видимостью и скрываемой ужасной реальностью, в котором с таким удобством размещалась традиционная политическая критика, кажется стремительно исчезающим.

Своего рода символом этого исчезновения и стали фото и видео пыток из иракской тюрьмы Абу-Грейб. (Любопытно, что примерно за год до их публичной демонстрации Amnesty International уже сообщала о жестоком обращении с иракцами в этой тюрьме. Однако в то время информация не нашла никакого общественного отклика: события не существуют, если оно визуально не закреплено.) Дезориентирующий шоковый аффект от этих документальных свидетельств насилия в отношении арестованных вы-

зван не только изображенными издевательствами и ритуалами унижения, но и в меньшей степени – эстетизированным способом самого такого изображения и статусом его авторов: фотографии сделаны теми же американскими служащими и солдатами, кто принимал участие в пытках. (В некотором смысле архив из Абу-Грейба сопоставим с недавним документальным фильмом Джошуа Оппенхаймера «Акт убийства». Фактически фильм снят самим главным героем – Анваром Конго, возглавлявшим в 1966 году так называемые «эскадроны смерти», ответственные за уничтожение почти двух миллионов индонезийцев. Нисколько не смущаясь, Конго и его товарищи с гордостью рассказывают о совершенных ими массовых убийствах, в деталях расписывая, как именно они душили своих жертв проволокой, перерезали горло, насиловали женщин и т.д.) Конечно, эти фото и видео носили частный характер, но сам факт их циркуляции в Сети, пусть и среди «своих», говорит о многом. Да и реакция официальных властей, как уже отмечалось, была по-отечески снисходительной. Дональд Рамсфельд лишь слегка пожурил американских солдат: «Вы повсюду бегае с вашей цифровой камерой, щелкаете эти невероятные фотографии, пересылаете их по запрещенным каналам, и неожиданно для нас они появляются в печати» [18].

Дело, однако, не столько в терпимости представителей конкретной администрации к конкретным же преступникам, сколько в глубинной связи между «изображениями страха» из Абу-Грейб и той «индустрией экспонирования ужаса» (М.-Ж. Мондзэн), которая политически управляется современной «фобократией», властью сознательно нагнетаемых и поддерживаемых страхов. Именно эта связь делает любительские снимки из иракской тюрьмы почти официальной репрезентацией «глобальной войны с террором». Аффективная сила образа работает в данном случае не только на рост нашего критического возмущения действиями военных, но и – может быть более опосредованно – на биополитическую эксплуатацию чувства тревоги перед лицом тиражируемого реального насилия.

Поскольку перформативное измерение изображений из Абу-Грейб («изображений-актов» в терминологии Х. Бредекампа) позволяет преодолеть разрыв между событием и его медиатизацией, снимки действительно производят «эффект реальности». Немецкий исследователь Вольфганг Байленхофф справедливо отмечает: «Здесь... осуществляется одновременность указания и действия, изображаемого насилия и реального

насилия, размывается граница между постановкой и реальностью, которая отличает перформативное» [18, с. 73]. Эта «страсть к реальному» присуща сегодня как террористам, так и властям – и не только американским. Визуальная стратегия запугивания «реальным» обнаруживает себя как в заснятых сценах обезглавливания заложников, так и в медийных ответах военных и спецслужб. (Можно вспомнить видеосъемку мертвых шахидок после штурма здания на Дубровке.) В этом контексте все более актуальной становится та критика репрезентации, на продолжении которой настаивает Борис Гройс. С его точки зрения, возможные критические усилия предполагает два основных направления. Первое – это достаточно традиционная, но по-прежнему необходимая борьба со всеми видами цензуры медиаизображений, в том числе и изображений военного и террористического насилия. Ответственность за второе направление Гройс возлагает на артинституции. Если современные медиа показывают нам лишь то, что происходит в настоящий момент, то артинституции являются «местами сопоставления прошлого и настоящего, сравнения первоначальной надежды и ее воплощения и как таковые могут предложить пространство, в котором становится возможным критический дискурс» [17, с. 344]. Эта историческая перспектива, восстановленная дистанция позволяет заново внести различие между реальным и символическим, действительностью и репрезентацией, а следовательно – противостоять гипнотической силе тех аффективных образов «политического возвышенного», которые используются современной «медиатизированной» биовластью.

В заключение хотелось бы отметить, что, на наш взгляд, «классическая» историко-социологическая стратегия анализа и дискурс *cultural studies*, будучи существенно различными, все же могут вести продуктивный диалог на основе взаимодополнительности. Необходим более глубокий анализ как визуального, так и политико-правового дискурса знания/власти в эпоху модерна. «Классический» историко-социологический анализ может и должен активнее работать с визуальными источниками, которые сегодня оказываются максимально эффективным орудием старых идеологий; более тонко реагировать на изменение языка и практик функционирования источников. Только в этом случае он сможет увидеть важные изменения в современной политике эмоций и аффектов [19]. С другой стороны, либеральная критика «войны с террором», осуществляемая в рамках *cultural*

studies, при всем ее интересе к перформативу также не срабатывает. Активная кампания левых по мобилизации общественного мнения и модной контркультуры не смогла радикально изменить политику в Ираке и не повлияла на победу Дж. Буша на президентских выборах в том же 2004 г. Cultural studies определенно нуждаются в переосмыслении возможностей семиотики визуального ряда, контент-анализа (особенно применительно к значительным массивам цифровых фотографий), практики производства и потребления образов, а также в повышенной саморефлексии относительно границ своей собственной политической и биополитической вовлеченности. Лишь усилив каждый из этих полюсов и, соответственно, «силовое поле» между ними, можно ожидать решения актуальной задачи гуманитарных исследований – артикулировать механизмы и техники «аффективных» манипуляций, паразитирующих на формирующихся сообществах нового типа.

Список литературы

1. Bonds E. Indirect Violence and Legitimation: Torture, Surrogacy, and the U.S. War on Terror // *Societies Without Borders*. 2012. Vol. 7. Iss. 3. P. 295–325.
2. Eisenman S.F. *The Abu Ghraib Effect*. L.: Reaktion Books, 2007. 142 p.
3. Mirzoeff N. Invisible Empire: Visual Culture, Embodied Spectacle, and Abu Ghraib // *Radical History Review*. 2006. Vol. 95. P. 21–44.
4. MacMaster N. Torture: From Algiers to Abu Ghraib // *Race and Class*. 2004. Vol. 46. No. 2. P. 1–21.
5. Jackson R. Explaining Torture in the War on Terrorism // <http://www.socialsciences.manchester.ac.uk/disciplines/politics/about/themes/cip/publications/documents/Jacksonworkingpaper.pdf>
6. Piven J.S. Terror, Sexual Arousal, and Torture: The Question of Obedience or Ecstasy among Perpetrators // *The Discourse of Sociological Practice*. 2007. Vol. 8. Iss. 1. P. 1–21.
7. Петровская Е. *Безымянные сообщества*. М.: Фаланстер, 2012. 384 с.
8. Sontag S. Regarding the torture of others // *New York Times Magazine*. 23.05.2004.
9. Apel D. Torture Culture: Lynching Photographs and the Images of Abu Ghraib // *Art Journal*. 2005. Vol. 64. No. 2. P. 88–100.
10. Kennedy L. Seeing and Believing: On Photography and the War on Terror // *Public Culture*. 2012. Vol. 24. No. 2. P. 261–281.
11. Kennedy L. Securing Vision: Photography and US Foreign Policy // *Media Culture Society*. 2008. Vol. 30. P. 279–294.
12. Massumi B. *Everywhere You Want to Be: Introduction to Fear* // *Politics of Everyday Fear* / Ed. by B. Massumi. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. P. 3–38.
13. Massumi B. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Duke University Press, 2002. 328 p.
14. Agamben G. *Potentialities: Collected Essays in Philosophy*. Stanford: Stanford University Press, 1999. 303 p.
15. Raulff U. Interview with Giorgio Agamben // *German Law Journal*. 2004. No. 5. P. 609–614.
16. Леви П. *Канувшие и спасенные*. М.: Новое издательство, 2010. 196 с.
17. Гройс Б. *Политика поэтики*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 400 с.
18. Байленхофф В. *Изображение – события: Абу Граиб* // *Синий диван*. Вып. 14. М.: Три квадрата, 2010. С. 63–84.
19. Leys R. *From Guilt to Shame: Auschwitz and After*. Princeton: Princeton University Press, 2007. 216 p.

THE ABU GHRAIB PHOTOS: POLITICS OF REPRESENTATION AND BIOPOLITICS OF IMAGE

I.I. Kobylin, F.V. Nikolai

The article is focused on the Abu Ghraib prison scandal in the US public opinion. Why do the images produce such affects? Partly, for the leftist scientific community it's because of the work of the cultural codes. However, the most important factor is the affective nature of contemporary biopolitics.

Keywords: biopolitics, media, cultural studies, memory, trauma, affect, limits of representation.